

Е.И. Маркова

«МОЯ ЛЮБОВЬ ПРИ ЖИЗНИ СТАЛА МИФОМ»

В моих руках рукопись поэтической книги. Автор — Т.А. Бернштам. Название: «Стихи разных лет». 88 страниц машинописного текста.

Разумеется, я знала труды авторитетного этнолога Татьяны Александровны Бернштам, но поэтесса Бернштам мне была неизвестна. Профессор Петрозаводской консерватории имени А.К. Глазунова Роман Федорович Зелинский написал на ее стихи музыку и попросил меня предварить исполнение его цикла словом об этой неизвестной книге.

Впереди огонь горит...

У читателей, лично незнакомых с Т.А. Бернштам, возникает образ исследовательницы, исколесившей, исходившей в экспедициях пути-дороги Русского Севера, где она собирала предметы материальной культуры, записывала монологи и диалоги своих соотечественников об обычаях края, верованиях и православной вере. Затем штудировала труды своих коллег и работала над своим исследованием, двигалась от конкретики и фактов к логической завершенности своей концепции.

Однако в стихах перед нами предстает другой человек. Да, он тоже всегда в пути, но, как правило, не знает станции назначения.

*Впереди огонь горит,
свету — с горсточку.
Конь никак не добежит
эту версточку.*

Стихотворение, названное по первой строке, датировано 1967 годом. Тогда символический смысл пути расшифровывался автором довольно просто:

*Заартачился мой конь,
конь — несчастье.
Впереди опять огонь
манит счастьем.*

Да, дорога навстречу счастью извечна и недостижима. А, собственно, что для поэта счастье? Любовь? Безусловно, да. И еще творчество и

постижение иных, зачастую призрачных миров. Но все это — тропки-тропиночки. Постепенно главным становится ее «путь к Немю». В 1985 году поэтесса молит Господа:

*О не оставь меня
на полдороге,
Ты — Спутник мой!
На что мне человек?
В своей поэзии —
всесильной и убогой —
я отжила
свой человеческий век.*

Каков же «человечий век» героини стихов? Порой он простирается до тысячелетия («Желанием Луны рожденная в ночи»), но героиня, естественно чувствуя себя и в Древней Греции, и в эпоху крестоносцев, все же предпочитает день: конкретный, сегодняшний. То он настолько наполнен живительными соками бытия, что для него находятся необычные определения и сравнения: «Хмельной отгагой бродит день — / циркач на проволоке тонкой». То неведомая сила будто оставляет течение времени: «Медленно стыннут ленивые сутки, / забыв разделить / на ночь и на день» («Иду вдоль ручья»).

Каким бы ни был ритм природного времени, внутренний ритм героини — ритм страсти, бушующей, зарождающейся или остывающей.

*Стремительно и жадно
я вторглась в тишину... («Начала»)*

Потому она пытается то повелевать природным циклом, упрашивая весну не спешить, ибо ее «тянет пока на морозных, колючих иголках / изодрать, искровянить бока» («Весна»), то, наоборот, стремится преодолеть мощью женской любви увядание поздней осени: «Какое нестерпимое желанье / волнует кровь в смертельном ноябре» («Желанием Луны рожденная в ночи»).

О своем историческом времени Татьяна Бернштам почти не пишет (исключение: посвящение А.Д. Сахарову, стихотворения «Эмигранты», «Я и в Москве любви своей верна»). Если оно и проступает, то видится как та дурная бесконечность, для которой рассвет становится «немыслимым, нестерпимым». Стихотворение это — инвектива в адрес и тех,

что «освоились, расплодились», и тех, кого «скрутили в бараний рог» (цикл «Мои родники»). Все они боятся света и огня.

И в противовес им, безликим, поэтесса оправдывает жестокою Медею, мстящую за свою поруганную любовь, ибо, страдая, она не в безвременье погружается, а приближается к бессмертию: «Но беспощадно-го бессмертия меня овеял ветер жаркий» (цикл «Ночь и утро обманутой Медеи»).

«Беспощадное бессмертие» — какое глубокое и точное определение жизни в веках! За одно это новое старое понятие можно поклониться Т.А. Бернштам.

Жаждала ли она бессмертия? Судя по стихам, вопрос для нее стоял не о личном бессмертии, а о соприкосновении с чудом жизни вечной. Его же дарует истинная вера. Чтобы обрести ее, надо пройти путь длительный и сложный:

*Еще не вера, нет!
но:
напряженье сил,
но — ответ
Той любви
В любви моей земной... («Конец–начала»)*

Ее земная любовь так зрима и ощутима, так заразительна и прекрасна, что даже лес стоял на страже этой страсти и «подглядывал / шишками сосен» (великолепно сказано!).

Однако, описывая плотское чувство, Бернштам ощущает двуполость человеческой природы. Если на земле властвует тело: «Любовь давно свершилась в нас / и ждет, когда ее узнают души», — то «где-то за порогом / земли и суеты» ситуация иная: «Телами правят души / на свой, небесный лад» («Не правда ли»; «Кто ты»).

К земной гармонии можно приблизиться через любовь-страдание, через страдание-творчество. Поиску «нужных слов», «неповторимых сочетаний» посвящены многие стихи Т.А. Бернштам: «Ты уловил все нужные слова», «Единый вздох», «Не знаем мы», «Что мне поэзия теперь», «Как льется мой стих». И этому процессу она отдается со всей глубиной и страстью своего ума и сердца, души и духа, поэтому порой кажется «выжженным дотла» ее «мир одушевлений и страданий». Но именно готовность пойти ради точного слова на смерть и рождает начало нового поэтического движения. Оно еще не сформировалось, оно пока намекает о своем существовании гулом, звуком:

*И вдруг:
вдали чуть-чуть вызывают рифмы.*

Ах, верно ль Музыкант мои настроил струны

Т.А. Бернштам, безусловно, остро ощущала нерасторжимую связь музыки и слова, мечтала, если «не ангелом пропеть, — / так проскрипеть сверчком» (цикл «Свет — Тень»). Само слово «Музыкант» она пишет с заглавной буквы, имея в виду Небесного вдохновителя.

На земле же ее стихи перелил в звуки петрозаводский композитор Роман Зелинский, которому она подарила где-то в середине 1980-х годов этот сборник, надписав: «Роману. Дай Бог, — на добрую память». Т.Б.». Книга пролежала полтора десятка лет, пока он ее не прочитал, потом прошло время пока созрел его музыкальный цикл, потом он искал исполнителей... И только на Троицу 2006 г. выпало представление музыкального цикла «Когда с любимым оборвется связь» в Доме церковного прихода карельского города Кондопоги.

Накануне прошла репетиция. Цикл мне понравился, и певица понравилась, хотя показалось, что вокальное напряжение музыкальной фразы «Ах, весна, я — твоя неудачница!» она преодолевает с трудом. Но в целом все звучало неплохо. Мне дали сборник стихов для того, чтобы подготовить вступительное слово.

Сам Зелинский уезжал в Петербург, и мы поехали без него. Поездка чуть не сорвалась. Именно в этот день у меня случился приступ радикулита, а у певицы почти пропал голос. Но концертмейстер Светлана Синцова пришла в ярость: «Артист должен выступать в любом состоянии!» Артист, возможно, но я-то — исследователь, однако не смею послушаться: глотаю болеутоляющие таблетки, затем плетусь к консерватории, где ждала нас машина. Пришла и Галина Янина, та всю дорогу причитывала: «Нет голоса, нет!» — и сосала дольки лимона, восстанавливая работу связок. Ничего хорошего от концерта мы не ждали.

Но Дом церковного прихода, где чуть ли не в каждой комнате стояло пианино, но доброе расположение отца Льва (Большакова) — петербуржца-меломана — сделали свое дело. Настроение поднялось.

Скажу несколько слов о цикле романсов, в который Зелинский включил пять стихотворений: «Когда с любимым оборвется связь», «Дорога», «Весна», «Преодоление грёз и бед», «Воспоминание». У Т.А. Бернштам эти стихи даны в следующей последовательности: 51, 32, 2, 47, 22.

Композитор выстроил их так, чтобы предельно точно обозначить момент наивысшего напряжения чувств: связь с любимым уже оборвалась, но путь к Богу — «В другую жизнь, в иные дали» — еще только начинается. Он то исполнен смирения: «Увези меня, / дорога, / от событий, / от страданий», то чреват новым взрывом страсти, ибо «Это сладко — мученье продлить». И все же приходит миг преодоления, наступает время, когда самого близкого на земле человека героиня называет «мой дальний». И уже нет любви к нему, и даже имя его утрачено...

*Но в памяти моей печальной
твой образ — как расплаты след!
И я не откажусь, — о, нет, —
от той своей вины, мой дальний...*

В пяти романсах сконцентрированы все основные мотивы («физика» дороги / метафизика пути; состязание / преодоления; природа / грёзы; любовь-страсть / высокое смирение) и образы (Бог, героиня (я), возлюбленный, мир земной, чертог небесный) Татьяны Бернштам. Композитору удалось показать, как через любовную лирику прорастает духовная поэзия, ибо он настроил струны точно в лад ее словам.

И вот музыкальный цикл зазвучал. Что случилось с пианисткой и певицей, не знаю... То ли освещенные июньским солнцем деревянные стены их согрели, то ли сосредоточенные, просветленные лица слушателей...

Но в Великий праздник воистину случилось чудо. Лирическое soprano Яниной и виртуозное мастерство Синцовой слились. Мне казалось, что не певица поет и не пианистка играет, а дивные хрустальные звуки (!) льются откуда-то сверху: с неба ли, из-под купола ли храма. Все сложные места вдруг исчезли. И та музыка, что казалась мне только хорошей, стала поистине прекрасной. Отец Лев время от времени так и приговаривал шепотом: «Как это прекрасно!»

Не буду писать о продолжении этого дня, наполненного удивительным ощущением единства слова и музыки, чудесного голоса и редкого внимания публики, июньского вечера и душевной беседы за чайным столом...

Рождение цикла Бернштам — Зелинского состоялось. Он не раз был исполнен в Петрозаводске и Петербурге. Сама я выступала с музыкантами еще один раз: в 2007 г. в рождественский Сочельник в Доме Союза концертных деятелей России. Концерт проходил в рамках

Международного фестиваля «Рождественские музыкальные встречи в Северной Пальмире». Организатор вечера забыл повесить афишу, но зал был полон.

Такого потрясения, как в Троицу, я не испытала, но цикл прозвучал очень хорошо, тепло был принят слушателями и получил одобрительную оценку известного композитора нашего времени Бориса Тищенко, чье сочинение исполнялось во втором отделении.

Накануне я беседовала по телефону с Татьяной Александровной, и это счастье, потому что вскоре она, пронзившая меня стихами, ушла «в другую жизнь». Она была готова к ней, ибо в ее душе уже «жила та радостная весть / о сопричастности к гармонии и чуду», с которой она «жива, — куда есть», с которой «сошьется, — когда ее не будет».